

Жиркова Марина Анатольевна

ЭМИГРАЦИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ САШИ ЧЕРНОГО

Ключевые слова: сатира, ирония, юмор, жанр, тема, поэзия, проза, поэтический цикл, воспоминания, публицистика, критика

В работе предпринята попытка представить творческий путь Саши Черного (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) в эмиграции. После революции в 1918 г. поэт покидает Россию и больше года живет в Литве, а с 1920 г. он оказывается в Германии, затем последуют Италия и Франция. Его творческая манера существенно меняется, поэтому наши задачи: обозначить этапы жизни и творчества Саши Черного; дать краткую характеристику его основным произведениям, проследить тематическую и стилистическую эволюцию поэта и писателя.

Keywords: satire, irony, humor, genre, theme, poetry, prose, poetic cycle, memoirs, journalism, criticism.

This paper attempts to present a creative way Sasha Cherny (Alexander Mikhailovich Glikberg, 1880–1932) in emigration. After the revolution in 1918, the poet left Russia for more than a year living in Lithuania, and since 1920 he is in Germany, followed by Italy and France. His creative style varies considerably, so our task: identify the stages of the life and work of Sasha Cherny; to give a brief description of his major works, trace the thematic and stylistic evolution of the poet and writer.

Творчество Саши Черного условно можно разделить на два периода: 1) ранний, преимущественно сатирический – 1904 – 1918 гг. и 2) эмигрантский – 1920–1932 гг. В 1918 г. поэт перебирается в Литву и больше года живет с женой на хуторе недалеко от Вильно. С 1920 г. он оказывается в Берлине и включается в литературную жизнь русской эмиграции. Нельзя сказать, что разница между этими двумя отрезками жизни писателя и поэта огромна, но, тем не менее, много меняется в творческой манере Саши Черного, стиле, выборе тем, героев, жанров. Не случайно биограф и исследователь творчества писателя А.С. Иванов замечает: «Написанное до 1917 года и после – существенно различается между собой. Эмиграция не только коренным образом заставила сменить тематику, но и наложила свой отпечаток на тональность и манеру письма. От подобного деления творчества Саши Черного нам не уйти» [13, с. 392].

В эмиграции проза начинает выходить на первый план. Исследователи отмечают принципиальный для Саши Черного переход от поэзии к прозе, который произошел еще в 1910–ые гг., после ухода из «Сатирикона». Так, Э.М. Шнейдерман, рассматривая причины ухода поэта из «Сатирикона», пишет: «Но, может быть, причина разрыва заключалась в том, что сатира перестала быть для него всем, – в его поэзии все увеличивается доля лирики, обращается он и к прозе» [37, с. 43]. Проза, по мнению А.С. Иванова, позволяла «приблизиться к опосредованному, более объективному и глубокому постижению сущности современников» [12, с. 6]. Поэзия, «стиховая множественность, объединенная в циклы» отражает мозаичный взгляд на мир, тогда, как проза позволяет представить более целостный взгляд. И еще одно очень важное в рамках нашей темы замечание исследователя: «Обращение к прозе объясняется, вероятно, еще и тем, что Саша Черный с годами стал тяготиться репутацией сатирика.

Душа его была не утолена отрицанием, искала *утверждающего начала*» [12, с. 8].

В эмиграции творчество поэта и писателя пошло по трем направлениям.

Первое: поэзия – переиздание старых сборников с доработкой, появляются и новые вещи в традиционном сатирическом ключе, и собственно лирика; создаются крупные формы (поэмы), но поэзия начинает уходить на второй план.

Второе: проза, которая все больше и больше начинает доминировать над поэзией, основными темами прозы становятся общие для русских писателей в эмиграции в целом – это тема оставленной России, воспоминания о прошлой жизни и эмигрантский быт, неустроенность которого преодолевается через иронию и юмор.

Третье: детское творчество – поэзия и проза для детей.

Послереволюционные скитания писателя начинаются с 1918 года, когда Александр Михайлович Гликберг вместе с женой бежит из Пскова в Литву, где задержится на год с небольшим. Тихая, уютная, сытая жизнь не приносит покоя, невозможно забыть покинутую родину:

Очнись. Нет дома – ты один:

Чужая девчонка сквозь тын

Смеется, хлопая в ладони [35, т.2, с. 63].

Литовские впечатления позднее войдут в поэтический цикл «На Литве». Там же пишутся стихи для будущего «Детского острова».

1. Германия, Берлин (март 1920–1923 гг.)

В 1920 г. семья Гликбергов перебирается в Германию, где оказывается много знакомых, друзей, которые помогают устроиться на новом месте: найти квартиру, уроки для жены, включиться в литературную жизнь. Мария Васильевна Гликберг вспоминает: «В Берлине мы прожили около трех лет, и оба мы были завалены работой, которая хорошо оплачивалась. Саша увлекался издательским делом, я, благодаря своим вилениским ученикам, имевшим богатых родных и знакомых в Берлине, была завалена уроками» [7, с. 242].

Начало эмиграции многими воспринимались как явление временное, еще оставалась надежда вернуться домой, на родину. Первые русские эмигранты считали, что скоро закончится большевистский режим, и они вернутся домой. В это время все еще сохранялась реальная связь с оставленной родиной и творческая, и человеческая: «Начальный этап изгнания ознаменовался бурным всплеском книгоиздательства, рассчитанного не только на эмигрантский рынок, но и на Советскую Россию, с которой заключались многочисленные договоры, оформлялись заказы на взаимные поставки книг. Границы пересекали и книги, и люди», – пишет А.С. Иванов в статье, открывающей том с эмигрантским творчеством Саши Черного [16, с.8]. Берлин, действительно, на какое-то время становится «столицей» русской эмиграции: множество русских изданий, бурная литературная жизнь, относительное благополучие. С 1920-го по 1922 г. в Берлине выходило почти 60 русских газет и журналов. За период с 1919-го по 1924 г. в немецкой столице издано около 2200 наименований книг на русском языке, это больше, чем в Москве и Петрограде [26, с. 156]. Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях замечает: «Большинство бежавших из России в восторге от берлинской жизни и наслаждается ею. Подумать только – сплошной праздник – магазины, где можно все что угодно купить, рестораны, кафе, такси. Чего же еще желать?» [24, с.7].

В.В. Костиков объясняет это рядом объективных обстоятельств, как экономическими, так и политическими. В это время Германия – одна из самых «дешевых» стран Западной Европы, с которой после гражданской войны сложились нормальные отношения, сохранялась высокая конвертация рубля. В 1920–е гг. в многочисленных берлинских издательствах публикуются не только эмигрантские, но и советские авторы, продолжается общение между русскими эмигрантами и советскими писателями, складывается удивительная обстановка советско–эмигрантского сообщества [29, с. 40–42]. О политических причинах пишет также Ю.В. Зобнин: 6 мая 1921 г. в Берлине было подписано советско–германское соглашение о военнопленных и беженцах. Большинство русских были именно беженцами, «покинувшие Россию либо не по своей воле (военнопленные), либо силою непреодолимых исторических обстоятельств, спасаясь от ужасов Гражданской войны, то есть от террора как того же (красного, белого, зеленого – все равно), голода и невыносимых лишений военного быта» [11, с. 31].

Саша Черный становится активным участником литературной жизни Берлина. Он работает в издательстве «Грани», является литературным редактором альманаха «Грани»; позднее возглавляет литературный отдел редакции журнала «Жар–птица», издателем которого являлся А.Э. Коган. Журнал просуществовал с 1921 г. по 1926 г., последний 14–ый номер вышел уже в Париже. Главной темой была культура России. Примечательно, что первый номер открывало стихотворение Саши Черного «Искусство», в котором звучит мысль о том, что у покинутого Богом человека остаются Музы, и значит «Есть мир иной на этой злой земле!» [36, т.2, с.89]. Журнал во многом ориентирован на современные европейские журналы модернистского направления, сродни журналам начала XX века, издававшимся в России («Аполлон», «Весы», «Золотое руно», «Мир искусства») [30, с.170]. Он отражал жизнь искусства (театр, музыка, живопись, и литература), был богато иллюстрирован, с яркой, красочной обложкой, чем значительно выделялся среди русской эмигрантской периодики 1920–х гг.

Саша Черный вместе с Дон–Аминадо (А.П. Шполянский) задумывает детский журнал «Зеленая палочка», который стал выходить под редакцией А.П. Шполянского в Париже (1920–1921). В этом издании принимали участие многие русские писатели (И. Бунин, А. Куприн, А.Н. Толстой, К. Бальмонт, Тэффи и др.), журнал издавался с рисунками Ре–Ми (Н. Ремизов), С. Судейкина. Примечательно, что среди разделов журнала постоянным являлся: «Крепко помни о России» с рассказами о родине, а также объявлялись различные конкурсы на знание России, русской литературы.

С Берлином у поэта будут связано около трех плодотворных лет жизни, пока не закрываются обанкротившиеся русские издания. Он активно публикуется в берлинских газетах «Руль», «Голос России», журналах «Сполохи», «Жар–птица». Кроме этого, сотрудничает с периодическими изданиями Парижа – газета «Свободные мысли», журнал «Зеленая палочка», Риги – газета «Сегодня», Праги – газета «Воля России». Выпускает двухтомную антологию русских поэтов для детей «Радуга» (1922); альманах для детей «Цветень» (1922), привлекая в него современных писателей и поэтов. Отдельной книгой выходят стихи для детей – «Детский остров» (1921), переиздана «Живая азбука» (1922, первое издание – СПб, 1914).

Поэтический сборник «Детский остров» с иллюстрациями Бориса Григорьева опубликован, по–видимому, в 1920 г. в Берлине в издательстве «Слово»,

хотя в книге местом издания указан Данциг и 1921 год. О публикации и всех перипетиях, с ней связанных, в своих комментариях пишет А.С. Иванов со ссылкой на книгу И.В. Гессена «Годы изгнания» [6, с.42–43], возглавлявшего в это время редакцию «Слово». В своих воспоминаниях известный издатель и публицист рассказывает о несостоявшейся попытке открыть филиал берлинского издательства в Данциге. Первая рецензия на «Детский остров» появилась еще в декабре 1920 г. [22]. Поэтический сборник встречен был критикой удивительно тепло. В первых откликах на книгу авторы рецензий писали, что поэт спрятался на детском острове [3, с.10], чтобы отдохнуть «от тех общих и страшных мыслей, для которых не подыщешь нужного слова, потому что трудно соперничать в силе и выразительности с войной, голодом и мором» [22]. Многие современные исследователи также указывают на «Детский остров» Саши Черного как остров спасения для поэта, оказавшегося в эмиграции. Например, Е.О. Путилова: «Для Саши Черного этот остров, свободный для детской справедливой жизни и детской фантазии, оставался пока еще плодом доброго вымысла, сказочной утопии» [27, с. 46]. Или у В.А. Карпова читаем: «Действительно, мир детства был для писателя тем утопическим островом идеальной любви, веселья и покоя, куда ему хотелось сбегать от пошлости современной ему жизни и тягостных воспоминаний о прошлом» [18, с.30]. Мир поэзии Саши Черного детскоцентричен. Детский остров живет жизнью ребенка, тем, что его интересует, что определяет его жизнь, его проблемами, заботами, радостью и увлечениями. Поэтический и одухотворенный образ ребенка, увлеченного игрой, оказывается в центре детской поэзии Саши Черного. Для ребенка его детский остров, точнее, само детство, время освоения мира – веселая, интересная и увлекательная игра. Ребенок на детском острове безмерно счастлив, неслучайно название первого раздела «Веселые глазки». На детском острове Саши Черного царят идиллия и гармония [10, с.39–59].

Забота о детях ставится одной из главных для поэта в новых условиях жизни, так он пишет А.И. Куприну: «Хотелось бы все-таки для детей еще что-нибудь состряпать: они тут совсем отвыкают от русского языка, детских книг мало, а для них писать еще и можно, и нужно...» [21, с.216]. Под редакцией А. Черного выходят книги В.А. Жуковского, И.С. Тургенева и А.П. Чехова для детей (в издательстве «Слово», 1921–1922 гг.). Саша Черный много работает для детей: пишет сказку в стихах «Сон профессора Патрашкина», переводит немецкие сказки Рихарда Демеля «Волшебный соловей», Фрица Остина «Маленький король», Вильгельма Руланда «Гелокандр» (Берлин, издательство «Волга», 1923), Л. Гильдебранта «Приключения Боба» (Берлин, издательство «Новая книга», 1923) [См. современное издание некоторых из них – 28]. Но часть подготовленных и проанонсированных книг не вышла («Библейские сказки», «Вспомни!», «Возвращение Робинзона») [17, с. 658].

Он также дополняет и переиздает книги стихов «Сатиры», «Сатира и лирика». Выходит новая третья книга стихов «Жажда». Псевдоним «Саша Черный» сменяется более сдержанным «А. Черный».

Переиздание первой книги стихов «Сатиры» (1922, первое издание – СПб, 1910) несет, скорее, структурные исправления и дополнения. Об этом пишет в своих комментариях А.С. Иванов: «По сравнению с дореволюционной книгой изменения были действительно существенные: были изъяты многие стихотворения и целиком раздел «Невольная дань». Одновременно состав был дополнен стихотворениями, опубликованными в периодике в 1911–1916 гг., а также теми, что поэт дотоле не отдавал в печать» [13, с.400]. Добавим к комментари-

ям исследователя: кроме изменений стихотворного наполнения разделов, прослеживаются небольшие и текстовые изменения. Подход к переизданию, как видим, творческий. Например, цикл «Провинция» несет на себе отпечаток новых впечатлений, так, в житомирские реалии проникают иные географические пространства и образы, например, в стихотворениях «Виленский ребус», «На мюзыкальной репетиции», «Псковская колотовка».

В письме А.И. Куприну, сообщая о переиздании «Сатир», у Саши Черного вдруг вырывается горькая фраза: «Книжку свою («Сатиры I») переиздал с дополнением, на днях Вам вышлю. Нужна ли она сейчас кому-нибудь?..», но «нельзя же торжествующим сукиным сынам и последние человеческие вакансии уступать. Да и писать еще хочется, несмотря ни на что» [21, с.218].

Во второй книге «*Сатиры и лирика*» (1922, первое издание – СПб, 1911) дополнения значительно существеннее. Расширение происходит не только за счет включения ранее опубликованных стихотворений, но и созданных уже за рубежом. Новые стихотворения продолжают развивать основные темы и образы поэтических циклов («Бурьян», «У немцев», «Иные струны»).

Как многие русские писатели и поэты, Саша Черный обращается к дореволюционному творчеству и на первых порах напоминает о себе как о сатирике, невероятно популярном в России, поскольку пока не собраны еще воедино новые вещи.

Новый поэтический опыт представляет третья книга стихов «*Жажда*» (1923), состоящая из нескольких разделов, в которых фиксируются не только жизненные этапы, но и мировосприятие поэта. Показательны в этом плане названия разделов: «Война», «На Литве», «Чужое солнце», «Русская Помпея». К.И. Чуковский объясняет название книги так: «то есть жажда вернуться на родину» [36, с. 18]. Скорее права Л.А. Спиридонова, писавшая, что «Название сборника звучало символически. Поэт говорил о трудной и горестной судьбе эмигрантов под «чужим солнцем». Прежний мир, потерянный ими, был окружен в стихах Саши Черного поэтическим ореолом мечты, безумной жаждой вновь обрести родину, но не новую Россию, которой поэт не знал, а старую» [9, с. 200].

В состав поэтического цикла «*Война*» входят стихи, написанные в основном в 1923 г., но некоторые из них были созданы еще в 1913–14 гг. Саша Черный прошел через Первую мировую войну, собственный опыт и видение войны определяют развитие поэтического цикла. Не успешные атаки, громкие победы или горькие поражения, а прозаическая сторона войны находит свое изображение: сборы, муштра, служба в штабе, отдых в чужой квартире, раненные в лазарете, погрузка картошки, отступление, ревизия в госпитале. Обозначены и подлинные герои войны, но это не участники военных действий, а служащие госпиталя: сестра, врачи. Подвиг этих людей в честном служении, в полной самоотдаче, в верности своему долгу, сердцу, совести.

Второй цикл «*На Литве*» проникнут тоской по оставленной родине. Но литовский тучный пейзаж прорывается сквозь печальные строки о беженцах, войне, нищете и голоде. Видение пустых полей, поросших лебедой в России, вереницей беженцев «Из русского бушующего ада» [35, т.2, с. 49] перебиваются цветущим садом, зарослями сирени и малины, спелыми яблоками. И все-таки есть болезненное понимание своего и чужого, «здесь» и «там». Что усиливается в дальнейшем: не случайно цикл, посвященный берлинской жизни, назван «*Чужое солнце*».

В этом цикле на контрасте представлены два мироощущения. Окружа-

ющий мир прекрасен, приветливо распахнут, множество ярких и красочных пейзажных зарисовок. Веселье, радость, смех или тишина и покой постоянно присутствуют в жизни человека в этом мире. Иногда даже возникает ощущение нереальности: это сказка, сон. Но как раз радости или покоя обрести здесь не получается, потому что вокруг «чужая речь», «чужие люди», «Ноги здесь, а сердце там далеко» [35, т.2, с.70]. Внутри цикла соседствуют радость, удовольствие от увиденного и боль, тоска.

Мир прекрасен, но мы здесь чужие. Слова «русский», «родной» или «эмигрант» присутствуют почти в каждом стихотворении. Самое страшное – для нас нет места на этой земле. Россия воспринимается как далекая планета, и пути назад нет. В конце цикла уже оставленная родина начинает казаться миражом, сном: «Может быть, наше черное горе только приснилось?» [35, т.2, с.88]. Возникает ощущение абсолютного одиночества, покинутости Богом. Отсюда особая тональность цикла – звучание мажорной мелодии постоянно перебивается минорной. И хотя это лишь небольшие вставки, отдельные фразы, именно она становится ведущей.

Завершает книгу итоговый цикл, посвященный России: «Русская Помпея». Основной корпус стихотворений, вошедших в цикл, создан в 1920–1923 гг., но включены и отдельные более ранние стихотворения – 1912–14 гг. Своеобразным предисловием является первое стихотворение с прямым обращением к России:

Прокуроров было слишком много!	О тебе, волнуясь, вспоминаем, –
Кто грехов твоих не осуждал?..	Это все, что здесь мы сберегли...
А теперь, когда темна дорога,	И встает былое светлым раем,
И гудит–ревет девятый вал,	Словно детство в солнечной пыли... [35, т.2, с.93].

О настоящем эмигрантском совсем немного, зато прошлое предстает многочисленными пейзажными зарисовками, забавными историями, соблазнительными женскими образами, смешными и трогательными образами животных и птиц. Прогулки по Невскому проспекту, катание на лодке по Неве сменяются картинами Пскова, Полтавы, Одессы. Появляется вдруг детский взгляд на мир и стихотворения, обращенные к детям, среди печальных и скорбных строк. Пестрые, разрозненные картинки, как в мозаике, складываются в тот облик родины, который остается в памяти навсегда.

Третья книга стихов окажется и последней. Саша Черный много работает, публикуется, но собрать стихи и издать отдельной книгой уже не успеет. А.С. Иванов пишет в комментариях о подготовке книги стихов «Под небом Франции», о которой поэт упоминает в ответе на анкету в 1931 г., но публикация так и не состоялась.

Прозы в это время немного. Для детей написана большая часть «Библейских сказок» (4 из 5) [10, с. 69–76]. В альманахе «Жар–Птица» выходит ироническая зарисовка «Узаконенное любопытство (Об одном несерьезном, но чрезвычайно популярном искусстве)» (1921), посвященное современной декламации. Выступает как рецензент, тепло отзываясь о поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева, противопоставляя их поэзию современной советской. Откликается на издание стихов З. Гиппиус, на сборник рассказов «Собачья доля» о петербургской жизни в большевистской России. Состоится отдельное издание рассказа «Первое знакомство» (1923, первая публикация – М., 1912).

Немало невзгод выпало на долю семьи Гликберг, однако Мария Ивановна, жена писателя, с теплотой и благодарностью вспоминает многих поддержав-

ших их в скитаниях за рубежом. И сам Саша Черный оставил добрую память о себе. О творческой помощи и поддержке поэта вспоминает В. Набоков: «Есть два рода помощи: есть похвала, подписанная громким именем, и есть помощь в прямом смысле слова: советы старшего, его пометы на рукописи новичка, – волнистая линия недоумения, осторожно исправленная безграмотность, – его прекрасное сдержанное поощрение, и уже ничем не сдерживаемое содействие. Вот этот второй – важнейший – род помощи я и получил от Александра Михайловича. Он был тогда вдвое старше меня, был знаменит ... С его помощью я печатался в «Жар–Птице», «Гранях», еще где-то... Он не только устроил мне издание книжки моих юношеских стихов, но стихи эти разместил, придумал сборнику название и правил корректуру» [23, с.559].

Среди воспоминаний об эмиграции известны слова Роман Гуля о потерянном, раздавленном поэте, встреченном им: «В Берлине Саша Черный задержался недолго. Он был литературным редактором журнала «Жар–птица». Издал несколько книг: сатиру – стихи, прозу, но все (надо честно сказать) было не на прежней высоте. Я думаю, что А.М. Гликберга надо отнести к людям, совершенно раздавленным революцией. Он любил Россию, русскую культуру, русскую литературу страстно любил и этим жил. <...> Как-то я сказал Саше Черному, что всегда любил его стихи и даже (сказал) некоторые помню наизусть. Но Саша (неожиданно для меня) недоволено сморщился, как лимон надкусил, и пробормотал: – «Все это ушло, и ни к чему эти стихи были...» Большевиком и творчески и душевно раздавил бывшего сатирика. Он переиздал в Берлине три тома своих сатир. Но все то, что писал внове, было – не то. Видно, сатирическое талант Саши Черного уже не на что было опереться. <...> Но все, что писал Саша Черный, прежней силы не достигало...» [8, с.56–57].

Необходимо учитывать, что встреча Саши Черного с Романом Гулем произошла в Берлине, почти в начале эмигрантской жизни многих, оказавшихся в изгнании, вдали от своей родины. Еще была очень сильна боль от увиденного и пережитого в России. К сожалению, во втором томе воспоминаний Романа Борисовича Гуля Саша Черный лишь упоминается, ко времени «въезда» Гуля в Париж в 1933г., писатель уже умер.

В связи с изменениями экономической ситуации в Германии, происходит отток русских эмигрантов из Берлина. В монографии «Литература русского зарубежья» В.В. Агеносов пишет: «Считается, что литературная жизнь Берлина пошла на убыль в 1923 году, когда в Германии наступил экономический кризис, стала галопировать инфляция (цены выросли в 200–300 раз), что привело к закрытию издательств и периодических изданий, а также к отъезду русских писателей в другие страны, в том числе и на родину» [1, с.23]. Можно добавить и политические причины, связанные с изменением отношения к русским эмигрантам германского правительства [4].

В мае 1923 г. семья Гликбергов покидает Берлин и перебирается в Италию, в Рим.

2. Италии, Рим (май 1923 – 1924 гг.)

Италия, как и Германия, связана для поэта с довоенными впечатлениями, когда он вместе с женой жил в Германии, слушал лекции в Гейдельбергском университете в 1906–1907 гг. или путешествовал по Германии и Италии в 1910 г. Поэтому, возможно, на выборе страны сказались впечатления прежних поездок, но, скорее всего, дело в постоянном заработке, который давали уроки жены поэта, Марии Ивановны. В качестве домашней учительницы ее пригласила вдова Леонида Андреева к своим детям: «Когда в 1923 году жизнь в

Берлине стала невозможной вследствие инфляции, заставившей закрыться все русские издательства и уехать оттуда семейства моих учеников, а мы не могли сразу получить визу в Париж, – Андреева предложила нам ехать с ней в Рим за ее счет, обещав нам полный пансион за мои занятия с ее детьми (их было трое: Савва, Вера и Валентин) и ведение ее переписки на иностранных языках с издателями и театральными антрепренерами по поводу издания и постановки произведений ее умершего мужа», – вспоминает М.И. Гликберг [6, с.243].

Из письма Саши Черного Куприну: «Собираемся с женой в Италию: ей предлагают там уроки, а у меня на несколько месяцев будет литературная работа (все по детской части), с возможностью перевода в Америке на английский и еврейский языки (от двух бортов дуплет в угол). Ждем визу и укладываем вещи: накопилась чертова куча хлама – то патентованный самозажигатель, то упражнения в заумном языке г. А. Белого в семнадцати томах, – что брать с собой, что выбросить – решить не легко» [21, с.219].

Благодаря сохранившимся письмам Саши Черного к А.И. Куприну и воспоминаниям дочери писателя Веры Леонидовны Андреевой приоткрываются некоторые моменты итальянской жизни: «... к нам приехал Саша Черный со своей женой Марьей Ивановной. Мы были хорошо знакомы с этой супружеской четой еще в Берлине, и мама заключила с Черным соглашение <...>, по которому Марья Ивановна должна была заниматься с нами всякими науками. Дело в том, что в Италии русской гимназии не было, и у мамы возникло вполне оправданное опасение, что мы останемся неучами и недорослями» [2, с.203].

Мария Ивановна Гликберг (урожденная Васильева, 1871 – 1961) получила хорошее образование, выпускница Смольного института, она закончила Бестужевские курсы, экстерном сдала экзамены в университет, была в свое время ученицей профессора философии А.И. Введенского, председателя Санкт-Петербургского философского общества [37, с.33; 31, с.237]. Все вспоминают о ней как об ангеле-хранителе поэта. В.Л. Андреева пишет: «Марья Ивановна с Сашей Черным поселилась в одной из парадных комнат нашего дома на первом этаже. Маленького роста, чрезвычайно прямо держащаяся, всегда подтянутая и аккуратная, Марья Ивановна была живой и очень энергичной пожилой уже женщиной, с седыми на висках волосами, с бледно-голубыми строгими глазами. Мне она напоминала классную даму из сочинений Лидии Чарской – бедные институтки падали в обморок и обливались слезами при одном ее появлении. Мы, конечно, в обморок не падали, но тоже порядком побаивались строгих глаз Марьи Ивановны и старательно зубрили заданные ею уроки. <...>

Саша Черный был полной противоположностью своей маленькой жене – высокого роста, с покатыми плечами, с почти совсем седыми свинцового цвета волосами, которые сильно контрастировали с черными бровями и поразительно живыми, молодыми темно-кариими глазами. <...> Медлительный, неуклюжий, он был беспомощен, как большой ребенок, – ничего не умел сделать сам по хозяйству, не вникал ни в какие денежные дела, во всем подчинялся железной воле Марьи Ивановны и ее неиссякаемой энергии» [2, с.203–204].

По воспоминаниям М.И. Гликберг, в понимании Италии и Рима им во многом помогли прогулки по городу в сопровождении знатока итальянской культуры и искусства П.П. Муратова, поэта и историка Х.Ш. Сураварди, профессора русской литературы и языка Римского университета Э. Ло Гатто. Впечатления от прогулок по «вечному городу», знакомства с культурой и природой Италии войдут потом в поэтический цикл «Из Римской тетради». Публиковаться стихотворения будут позднее, в основном в Париже, в «Русской газете», «Послед-

них новостях». За время пребывания поэта в Риме можно отметить публикацию пяти юмористических миниатюр, составляющих раздел «Римские камеи» («Сегодня», Рига, 1923); и четырех поэтических зарисовок, входящих в «Римские офорты», помещенные в берлинском журнале «Златоцвет» (№ 1, 1924).

Среди римских стихотворений одно из самых трогательных, пронизанное любовью и нежностью, посвящено трехлетней итальянской девочке «Дитя». В стихотворении «Старая вилла» поэт фантазирует о русских детях на итальянской земле. С восхищением он рассказывает о красоте Италии, любит ее природой, архитектурой, людьми, но иногда вдруг прорывается щемящая нота тоски по родине («На площади Navona», «Белое чудо»).

Поэт обращается к крупной поэтической форме – пишет поэму «Дом над Великой», опубликованную позднее («Перезвоны», Рига, 1926), в которой с ностальгией воссоздает жизнь обычной русской семьи в Пскове. Этот город уже появлялся в поэзии Саши Черного: сатирический женский образ «Псковской колотовки» из цикла «Провинция» (книга «Сатиры», второе издание, Берлин, 1922), ностальгические стихотворения из цикла «Русская Помпея»: «Псков», «С моста над Псковой», «Гостинный двор», «Псковитянка» (книга «Жажда», Берлин, 1923). Так случилось, что именно Псков будет последним городом России, в котором поэт жил до отъезда в эмиграцию. С начала Первой мировой войны Саша Черный находился в составе действующей армии, он служил в составе военного полевого госпиталя и в начале 1916–го г. был переведен в 18-й полевой госпиталь в Пскове, позднее, в 1917 г. – в псковское Управление военных сообщений. Там же на какое-то время после февральской революции он был избран начальником отдела управления комиссара Северного фронта. В конце лета 1918 г. вместе с другими беженцами перед вступлением Красной армии в город покидает Псков [17, с.658].

Поэма с подзаголовком «Картины из русской жизни» написана в духе традиционного в эмигрантской литературе обращения к прошлому, к дореволюционной жизни; несколько сентиментально, со множеством деталей, передающих уютную атмосферу дома, теплоту человеческих отношений: «Любой пустяк из прежних дней / Так ненасытно мил и чуден» [35, т.2, с.378]. Поэт создает яркие зримые образы, сочные живописные полотна будь то пейзаж, натюрморт, портрет или бытовые сцены. Почти идиллическая картина, если бы не военное время, взятое для изображения. Война диссонансом врывается в спокойную и размеренную жизнь пока вскользь брошенной фразой о карте фронта, висящей на стене, портретом солдата, позднее появляется дядя, вернувшийся с войны после ранения, письмо о ранении брата получает кухарка, дается описание солдатского обоза. Но не войне посвящена поэма. Война не разрушает привычную и благополучную мирную жизнь, смерть, ужасы войны, известные А. Черному как ее участнику, остаются за границами поэмы. О них лишь глухие упоминания. Резкое переключение происходит в конце, когда происходит временной скачок: из военного времени в послереволюционное. Последние две строфы рисуют почти апокалиптические картины разрушенного мира: грязь, пыль, гниль, ржавчина, акцентируются серый, красный, черный цвета распада и смерти.

В Риме написана и повесть «Кошачья санатория» («Перезвоны», Рига, 1925) о свободолюбивом коте Беппо, придумавшим, как устроить побег из сытой и благополучной жизни, но замкнутой границами форума, на волю к морю, горам.

Семья Гликбергов живет в Италии недолго, это период зарождения в стра-

не фашизма и установления режима Муссолини. Вера Леонидовна Андреева рассказывает: «Саша Черный беспощадно громил государственное устройство Италии, ее партию фашистов, которая как раз праздновала два года своего господства, и, конечно, ее знаменитого дуче Бенито Муссолини – ему-то и доставалось больше всех. Саша Черный едко издевался над спесивой фигурой дуче, держащего очередную речь с балкона на пьядца Венеция, над его квадратной челюстью, выдвинутой вперед упрямым движением тирана и властолюбца, над его лысой головой и предрекал ему печальную участь всех тиранов мира – гибель на виселице или под ножом гильотины, когда обманутый им народ наконец прозреет» [2, с.205]. Напомним, что в октябре 1922 г. официально устанавливается господство фашизма, а Муссолини король назначает премьер-министром Италии. Праздновали два года, по-видимому, Национальной фашистской партии, основанной Муссолини в ноябре 1921 г.

Но дело не только в режиме Муссолини. Поэт оказался в творческой изоляции: мало русских, практически нет русских издательств. Из письма Саши Черного А.И. Куприну: «Живем в Риме пока сносно, у жены постоянные уроки (с детьми Л.Н. Андреева), я продал свой «Детский остров» французскому и американскому издательству право перевода. Очень хочется писать для детей. Русских журналов для детей нет, альманахов – тоже. Если есть в Париже французские журналы для детей (несомненно есть), то куда и что посылать для перевода (прозу, конечно)? Если Вы в данном случае можете немного помочь мне, глубоко буду Вам обязан. <...> Книг здесь нет, знакомых – ни души. Вообще, как в погребке» [21, с.219–220].

После экономического кризиса в Германии центр русской эмиграции в 1923 г. постепенно переместился в Париж.

3. Франция, Париж (март 1924–1932 гг.)

В марте 1924 г. семья Гликбергов перебирается в Париж, «приобретший к 1923 году неофициальный статус общественного и культурного центра русского зарубежья» [16, с.12]. Переезд, по-видимому, осуществить было не просто, не хватало средств. В комментариях к стихотворению «Любовь ближнему» (написано в декабре 1924, опубликовано в «Иллюстрированной России» в 1925) А.С. Иванов указывает на автобиографический подтекст: «Не имея средств для того, чтобы перебраться из Рима в Париж, Саша Черный в начале 1924 года обратился письменно в Союз русских писателей и журналистов в Париже с просьбой об оказании ему помощи в виде ссуды. Им был получен ответ следующего содержания: пособие выдается только в случае смерти или неизлечимой болезни» [14, с.468]. Только после продажи библиотеки русской классики Римскому университету они смогли оплатить дорогу во Францию [32, с.187].

Здесь начинается новый и последний творческий период жизни Саши Черного. Вспоминает жена поэта: «Кроме четы молодых Линских (они справляли у нас в Берлине свою свадьбу), мы нашли в Париже Куприна и Шашиного кузена Д.Л. Гликберга, с которым он несколько раз встречался в Петербурге. И те, и другие отнеслись к нам очень тепло, приглашали нас от времени до времени к обеду, не подозревая, что мы живем почти впроголодь. До сих пор мы всегда жили на наш заработок, никогда ни к кому не обращаясь за материальной помощью, и нам не приходило в голову рассказать друзьям о нашей нужде. Поэтому первые месяцы нашей парижской жизни нам приходилось довольно тяжело. В Париже, куда мы приехали в конце марта 1924 г., был квартирный кризис, и даже в гостиницах, около вокзалов, разрешалось жить не больше

двух недель. Линские устроили нас сравнительно недорого в небогатом отеле около Etoile, где хозяйка разрешила нам готовить на спиртовке. Кофе с хлебом, макароны, рис – это все, что мы могли себе позволить, так как вырученные от продажи книг в Риме деньги ушли почти целиком на переезд» [7, с.244].

В Париже Саша Черный становится постоянным сотрудником еженедельного журнала «Иллюстрированная Россия». Издатель еженедельника М.П. Миронов изначально «избрал для своего журнала внепартийный курс» [38, с.203], на страницах журнала публиковались материалы о жизни в эмиграции, новости со всех концов мира, в том числе о Советской России, закрытой для русских эмигрантов: «Вместе с тем, организаторы нового издания хорошо понимали тот огромный и вполне естественный интерес эмигрантов ко всему, что происходило в Советской России. Не только важнейшие политические события, но и повседневный быт был широко отражен на многочисленных снимках и в фоторепортажах» [38, с.203]. В своем стихотворении «Иллюстрированной России», посвященном двухлетнему юбилею журнала, поэт как раз отмечает мозаичность информации:

Словно в Ноевом ковчеге,
Все в журнале вы найдете
<...>
Но зато еженедельник,
Рядом с модой и верблюдом,
На десерт вас угощает
И другим отборным блюдом:
То бряцаньем звонкой лиры,

То изысканною прозой –
В огороде эмигрантском
Лук растет бок о бок с розой...
Пусть растет! В пустыне нашей
Дорог каждый наш оазис, –
Да и розу удобряет
Основной тиражный базис
[35, т.2, с.167].

Саша Черный работает в журнале практически с первых дней его возникновения, ведет рубрику «Страничка для детей», публикует свои рассказы и на какое-то время становится редактором сатирического отдела «*Бумеранг*»: с май 1925 по ноябрь 1926 г. Главными темами его сатир становятся две, переплетаясь и соседствуют друг с другом: жизнь в Советской России и русских в эмиграции. По отношению к большевистской России чувствуется агрессивность, злость, резкость, за которыми угадывается боль и обида, тогда как жизнь в эмиграции чаще представлена иронично.

Он сотрудничает с другими изданиями: «Русская газета» (Париж), «Заря» (Харбин), «Сегодня» и «Перезвоны» (Рига); с 1927 года и до конца своей жизни является постоянным сотрудником газеты «Последние новости», главным редактором которой был П.Н. Милюков.

В это время поэт выступает в качестве критика и публициста, критика в первую очередь. Публицистические статьи, помещенные в «Русской газете» за 1924–1925 гг., касаются большевизма и взаимоотношений с Советской Россией: «Хорошие авторы», «Старый спор», «Мелкая игра», «Обратное действие», «Иллюстрации». Одни из самых проникновенных статей посвящены русским детям в эмиграции: «Наши дети» (1927), «Детский ковчег» (1930).

В критических статьях достается А. Ремизову за «бесстыдство» и Брюсову, «Опыт» которого полны технических изощрений, но лишены какого бы то ни было смысла. Зато А. Черный с восхищением говорит о Бунине: о многокрасочности его языка, словесной живописи писателя, разнообразной по своей стилистике. Как о большом художнике, глубоком и своеобразном писателе пишет он о Н. Тэффи. Откликается на 35-летие творчества А.И. Куприна, с которым его связывает многолетняя дружба; а чуть позже выходит статья, посвященная сборнику «Новых рассказов и повестей», написанных писателем

уже в эмиграции. Статьи–некрологи посвящены памяти А. Аверченко, П. Подемкина, с которыми поэт знаком еще со времен первого петербургского «Сатирикона». С теплотой и грустью пишет об Аркадии Аверченко как о человеке, невероятно работоспособном и при этом успевающим жить «вкусно, смешливо и жизнерадостно» [35, т.3, с.387]. Как странного поэта характеризует он Петра Подемкина с его негражданской бытовой лирикой, а во второй статье раскрывает его творческий путь.

В это время поэт также много работает для детей. Так, в 1924–1925 гг. в «Иллюстрированной России» в рубрике «Страничка для детей», постоянным редактором и автором которой был Саша Черный, публиковался по главам «Дневник фокса Микки». В 1927 г. «Дневник...» выходит отдельной книгой, благодаря второму изданию этой книги осуществилась давняя мечта купить свой клочок земли в Ла Фавьере в 1929 г. Для А. Черного в целом характерен такой вид работы: публикации рассказов, сказок, стихотворений в периодике, обычно в «Иллюстрированной России» и «Последних новостях» (в рубрике «Детский остров»), а затем выход отдельных изданий. Так произошло с повестью «Чудесное лето», опубликованной в 1929 г. и рядом других. В этом же году вышла книга «Серебряная елка» с авторским подзаголовком «сказки для детей», в нее вошли истории, как написанные еще в России, так и созданные в эмиграции. Отдельное издание «Румяной книжки» осуществлено в 1930 г. А вот собрать и издать книгу стихотворений для детей Саша Черный не успел. А.С. Иванов отмечает, что поэт готовил сборник стихов для детей «Ручей», анонс появился еще в 1926 г., а в 1932 г. с редактором сборника оговаривался состав книги [15, с.567]. Уже после смерти Саши Черного в издательстве «Иллюстрированной России» выходит сбор–ник рассказов для детей «Белка–мореплавательница».

Единственный сборник «взрослой» прозы А. Черного «Несерьезные рассказы» вышел в 1928 г. в Париже без указания издательства. Он состоит из семнадцати рассказов, написанных в 1925–1928 гг. и опубликованных ранее в различных периодических изданиях, в основном в той же «Иллюстрированной России», газетах «Последние новости» и «Русская газета». Сборник рассказов в соответствии со своим названием получился оптимистическим, внутри него, в самих рассказах, происходит преодоление горечи и тоски по оставленной Родине и прошлой жизни. Не случайно А.И. Куприн в своей рецензии замечает: «Прекрасным эпиграфом, мудрой русской пословицей открывается этот милый сборник А. Черного: «Посильна беда со смехом, невмочь беда со слезами». Лучшего предисловия к этой книге и нельзя было бы подобрать... Вся она пронизана легкой улыбкой, беззлобным смехом, невинной проказливостью, и если ухо улавливает изредка чуть ощутимый желчный тон, но что ж поделаешь: жизнь в эмиграции не особенно сахар» [20, с. 175]. В книге, действительно, преобладают мягкость и лиризм, ирония и сочувствие, улыбка и смех, а не сатира и сарказм, знакомые по раннему творчеству писателя.

Большинство рассказов напрямую связаны с эмиграцией, но действие некоторых из них, благодаря воспоминаниям героев об оставленной родине, о доэмигрантской жизни, переносится в Россию. В своих воспоминаниях они легко преодолевают пространственно–временные границы, оказываясь в далеком и дорогом для них прошлом: например, рассказы «Московский случай», «Самое страшное», «Экономка», «Сырная пасха». Можно отметить еще одну черту этого сборника: несмотря на то, что книга «Несерьезные рассказы» не является автобиографической, ей присущ автобиографический и мемуарный

элемент, потому что автором вложено много личного: собственных переживаний и ощущений; отражены реалии эмигрантской жизни.

Сквозной темой становится жизнь русского человека в эмиграции, имеющая свое развитие внутри сборника. Цель всего сборника – заставить читателя посмотреть на свою жизнь, наполненную проблемами и заботами, по-новому, отвлечься, увидеть смешное и забавное, То, что может поддерживать, помочь в жизни, не забывая свое прошлое, жить не только воспоминаниями, но обратиться к настоящему и будущему. Внутри сборника происходит преодоление грусти, тоски по оставленной Родине, на веселой ноте, откровенном смехе заканчивает свои «Несерьезные рассказы» Саша Черный. Сборник рассказов в целом учит преодолевать трудности, не впадать в уныние, уметь радоваться тем маленьким радостям, которые всегда есть в жизни, надо только суметь откликнуться на них; способности получать удовольствие от жизни и умиению посмеяться над собственными неудачами.

Поэт часто выступает с чтением своих произведений перед соотечественниками на различных литературных вечерах, благотворительных мероприятиях, детских праздниках, участвует в творческом турне.

В апреле 1931 г. вышел первый номер возрожденного в эмиграции «Сатирикона» (третьего по счету после «Сатирикона» 1908 г. и «Нового Сатирикона» 1913 г.). Вышло двадцать восемь номеров, в октябре того же года еженедельник прекратил свое существование. В прозаических произведениях писатель больше иронизирует над соотечественниками: «Наглядное обучение», «Акажу», «У моря». Поэтическая сатира А. Черного на советский строй в России тоже уходит на второй план, самым резким можно назвать стихотворение «Сказка про красного бычка», но в основном преобладают зарисовки старой России и жизни русских эмигрантов, ирония над сатирой.

В двенадцатом номере «Сатирикона» публикуется иронически–лирическое стихотворение «*Семь чудес*». Начиная с упрека Богу, который лишил человека райских радостей, герой стихотворения делится теми чудесами, которыми «...сегодня десница Господня / Наполнила день мой светом и миром» [35, т.2, с.246]. Простые, казалось бы, события и картины радуют человеческое сердце: банкир, собирающий ромашки; помощь трехлетней девочке, у которой развязались шнурки: «Я так был тронут доверием крошки, / Что справился с ножкой не хуже няни...»; запах акации, напомнивший Одессу, детство; эмигранты, читающие на скамейки «Возрождение» и «Последние новости»; чужая собака «вдруг меня в нос бескорыстно лизнула» [35, т.2, с.247]; найденные перчатки, потерянные на прошлой неделе и знакомый наборщик на мотоцикле, умчавший поэта с загородной прогулки обратно в Париж. Даже кажется, что крылья появились за спиной: «И бешеный ветер, дурак беспардонный, / Мой шарф, словно крылья, трепал за плечами». Удивительно трогательное стихотворение так далеко от сатир Саши Черного, при этом прекрасно передает тот облик поэта, темы, манеру, какими сложились они в эмиграции.

В своем творчестве А. Черный постепенно отходит от сатиры и все больше приближается к юмору и лирике. При этом речь идет не только о поэзии, но и о прозе. Выделяется ряд рассказов, доминантой которых становится не столько фабульное начало, сколько особое настроение, пронизывающее их, что позволяет говорить о лирическом начале. Лиризм прозы Саши Черного связан с особой эмоциональной наполненностью текста, когда сквозь развитие сюжета проступают чувства и переживания героев, при этом приоткрывается авторский мир. Перед нами проза поэта пронзительно легкая, изящная, благодаря

трогательно–минорному настроению, неутраченной ностальгии, светлой печали. Такое чувство оставляет в памяти «Берлинское рождество» (1924); в духе и стиле элегии написан рассказ «В лунную ночь» (1928). И, наоборот, легкие, светлые «Купальщики» (1928), радостным, волнующе–приподнятым настроением пронизан рассказ «Птичий день» (1929). Это связано также с традиционно лирическими темами – природы и любви. Так происходит в рассказах «Московский случай» (1928), «Капитан Бопп» (1930).

В поэзии теперь происходит сближение с миром детства, лирический герой умеет понимать ребенка, научился общению с ним, и ребенок доверчиво тянется к большому другу. Саша Черный пишет ряд стихотворений, проникнутых чувством любви к маленьким человечкам: «Дитя», «Маленькому другу», «Консьержкина дочка», «Мой роман», «Прогулки по Парижу», «Беспечный день», «Дети». Речь идет о «взрослой» поэзии Саши Черного, но именно дети становятся главными героями его стихотворений, в которых много любви, тепла, света [10, с.11–28].

Все чаще встречаются поэтические этюды, пейзажные зарисовки, бытовые картины. Повседневная парижская жизнь раскрывается в небольших поэтических набросках, например, в стихотворении «Солнце», где каждая строфа представляет новый кадр, новый образ, намеченный лишь эскизно (делец почтенных лет, малыш в коляске, мальчик–посыльный, пес бульдог, чирик в клетке, художник, слепой старик). По такому принципу построены многие стихотворения, например: «В метро», «Пустырь», «У Сень», «В санатории» и др., в которых, как в калейдоскопе, один образ сменяет другой. Иногда они разворачиваются в целую сценку: «Солнце», «Пластика» или «Собачий парикмахер», переходящее в размышления о человеческой судьбе.

Сам поэт становится объектом лирики, а иногда и иронии. Легкая самоирония присутствует в стихотворениях «В поте лица», «Как я живу и не работаю», «Легкие стихи», «Меланхолическое» и др. Ведется разговор с Богом: «В Саксонских горах», «Семь чудес», «В метро», без упреков и обид, но в последнем звучит просьба «дать хоть крупицу счастья»: «Ты знаешь, – с каждым днем / Жить на Твоей земле становится трудней» [35, т.2, с.293].

Появляется лирика, близкая к импрессионистической манере письма, ос–нованного «на принципе непосредственной фиксации художником своих субъективных наблюдений и впечатлений от действительности, изменчивых ощущений и переживаний»; а также в стремлении «передать предмет в отрывочных, мгновенно фиксирующих каждое ощущение штрихах, которые располагались в видимом беспорядке и ни в чем не продолжали друг друга: между тем в целом обнаруживалось их скрытое единство и связь» [25, стлб.112]: «У окна», «В Булонском лесу», «Мимоза», «Пустырь». Поэт не жалеет ярких и сочных красок в описании провансальской жизни: «Мистраль», «Сбор винограда», «Прованс» и др. С 1926 года жизнь Саши Черного связана с югом Франции, небольшой долиной Ла Фавьер, ставшей впоследствии местом русской колонии. Немало стихотворных и прозаических строк будет посвящено этому «благословенному» уголку Франции. Именно в лирике последних лет возникает ощущение свободы и кажется, что поэт обретает душевный покой. Возможно, потому что лафавьерский берег, природа южного берега Средиземного моря напоминала русским эмигрантам родной Крым, собралась достаточно большая и пестрая колония русских эмигрантов, наконец, здесь чете Гликбергов удастся купить участок земли и построить свой домик.

Многие стихотворения этих лет публикуются в «Последних новостях» под

рубриками: «Из провансальской тетради», «Русский Прованс», «Из летней тетради», «Летний дневник». Именно в них, как пишет Л.А. Спиридонова авторское «я» полностью совпадает с лирическим: «Повествуя о веселом пикнике, о поездке в моторной лодке на остров Пор–Кро, о визите французского фермера или соседки–старушки, он рассказывает о собственной жизни. Это он со своим любимым фоксом Микки гуляет по крутой тропинке над морем <...> Это он соорудил скамейку на холме, чтобы уставший путник мог отдохнуть около его дома («С холма») [32, с.199]. Последнее стихотворение легкое, шутивно–ироничное было опубликовано одновременно с сообщением о кончине Саши Черного – «Последние новости», 6 августа, 1932 г. [14, с.483].

В 1931–1932 гг. А. Черный создает вторую крупную поэму в эмиграции «*Кому в эмиграции жить хорошо*», по главам печатавшеюся в «Последних новостях». На некрасовский вопрос пытаются ответить три старых журналиста Козлов, Попов и Львов. Как в калейдоскопе, перед читателем проходят разные человеческие судьбы. Поэма становится своеобразной энциклопедией русской эмиграции, освоенных новых или измененных условий старых профессий: маляр, гадалка, таксист, «африканский» врач, массажистка, портной, дантист, изобретатель, шахтер, сторож, рабочий, корабельный кок, торговцы, экономка и т.д. Поэма Саши Черного лишена трагизма и эпического размаха Некрасова, хотя в ней легко преодолеваются границы Франции и широко охватывается жизнь русских эмигрантов. Сосредоточенная на отдельных судьбах, она подводит к грустным выводам:

А счастье, слово русское,
Спит много лет без просыпу
У Даля в словаре... [35, т.2, с.439].

Но герои не спешат ставить точку, и финал поэмы получается оптимистическим – найден «Единственный, без примеси, счастливый эмигрант» – безмятежный младенец в люльке, глазами удивленными рассматривающий мир.

Уже после смерти писателя, в 1933 г., отдельной книгой вышли «Солдатские сказки», публиковавшиеся до этого в различной периодике, в основном в «Последних новостях» и «Иллюстрированной России». Веселье и озорные, они, с одной стороны, обращены к военному прошлому писателя – службе в военном госпитале во время Первой мировой войны, отсюда знание солдатского быта, особый взгляд на вышестоящих, специфические словечки, колоритный народный язык. С другой – продолжают традиции русской литературы: это и народные бытовые сказки о солдате, ловком, находчивом, не унывающим ни при каких обстоятельствах; и нечистая сила русских быличек: домовый, русалка, леший, черт; а сказовая манера писателя ориентирована на традиции Лескова, Ремизова, Зощенко [31, с.204].

Много горьких и не совсем справедливых слов было сказано К.И. Чуковским в предисловии к первой за многие годы умалчивания в Советском Союзе книги стихов Саши Черного, изданной в 1960 году в серии «Библиотека поэта». Для Чуковского эмигрантское творчество Саши Черного пошло на спад: «Чужбина явно обескровила его дарование» [36, с.18]. Множество претензий высказано в адрес поэзии, которая теперь, по мнению К.И. Чуковского, не в состоянии вызвать «в читательских массах тот взволнованный сочувственный отклик, какой когда–то вызывали молодые стихи Саши Черного, воплощавшие его гневный протест против антинародной интеллигенции «десятих» годов» [36, с.19]. При этом здесь же содержатся очень тонкие замечания, теплые слова

по отношению к детскому творчеству поэта.

И все-таки есть одно «но» в восприятии и оценки Чуковским творчества поэта. Он сравнивает его эмигрантское творчество с ранним, сатирическим преимущественно, но и в дореволюционный период Саша Черный пытался уйти от подобной односторонности. Кроме этого, все исследователи обращают внимание на доминирование прозы в эмиграции, что осталось за рамками советских изданий еще на долгие годы и, соответственно, не попадает в центр внимания, круг чтения и обсуждения К.И. Чуковским. Возможно, тогда можно было бы снять упреки критика в разрозненных, не связанных между собой образах, в отсутствии единого стержня его произведений, зарисовках ради зарисовок. Зная, как много Саша Черный сделал для русских в эмиграции, друзей, знакомых и не знакомых ему людей, для русских детей, обидно читать такие слова К.И. Чуковского: «Можно себе представить, как горько ему было превращаться в пассивного созерцателя жизни, которому доступны лишь поверхностные, внешние приметы явлений, – ибо он так и не вошел в эту жизнь, и она осталась для него чужой навсегда» [36, с.19].

Очень искренне Саша Черный беспокоился о судьбе русских детей, о том, чтобы они не забыли русский язык, русскую литературу, историю, культуру. В Париже под редакцией А. Черного вышел альманах для юношества «Русская земля» с подзаголовком «Ко дню русской культуры» (1927), который рассказывал о России и ее великих людях: Ломоносове, Пушкине, Петре I; в 1928 г. выходит альманах «Русские исторические народные песни о Петре Великом». В статье «*Детский ковчег*» (1930) Саша Черный вспоминает о попытке устроить русского ребенка в детский приют. Даже смерть писателя после пожара в Ла-Фавьере служит подтверждением его активного, беспокойного характера, не умеющего и не желающего оставаться в стороне. Вспоминают современники: «Сашу Черного поразило солнечное удар на лесном пожаре, куда он, конечно, прибежал одним из первых» [33, с.124], – пишет Н. Станюкович. Подробнее о смерти писателя рассказывает Л.С. Врангель: «Общительный и отзывчивый Саша Черный был всегда там, где нужна была помощь. Однажды в самую жару, когда все старались сидеть по домам, вспыхнул пожар в лесу, рядом с русским поселком. Все бросились тушить огонь, и Саша Черный прибежал впопыхах к нам на террасу, прося топор и лопату. Пожар был потушен и усталый принес Саша Черный их обратно и попросил напиться» [5, с.151]. В этот же день он умер.

И в своем творчестве, посвященном будням эмигрантской жизни, он пытается, возможно, и, скорее всего, преодолевая собственные невзгоды, пессимизм, грусть и тоску, поддержать и подбодрить других. Можно добавить замечание А.С. Иванова о прозе Саши Черного в эмиграции: «все его устремления направлены на то, чтобы помочь соотечественникам, поднять дух – шуткой, комичным случаем, озорным и потешным словом» [12, с.12].

В исследовательской литературе нередко утверждается мысль, что Саша Черный принадлежит к тем писателям и поэтам, которые были широко популярны в России, но в эмиграции не сумели найти себе места. Позволим себе привести достаточно большую цитату из работы В.В. Костикова, который продолжает развивать высказанные впечатления Романа Гуля: «Остроумными, разящими сатирами Саши Черного (Александра Михайловича Гликберга) зачитывалась демократическая молодежь России. А вот в эмиграции он быстро сник; судьба гнала его из одного города в другой, и нигде он не находил пристанища, поэта угнетала творческая опустошенность. Неоднократно он делал

попытки наладить литературное сотрудничество с эмигрантскими газетами и журналами, но все, что писал теперь, было много ниже уровня той сатирической поэзии, корой славился на родине. <...> Он жил прошлым; монпарнасская же русская молодежь, повзрослевшая в эмиграции, хотела жить настоящим и будущим. Она не понимала его «огненной ненависти к большевизму» [цитата из Р. Гуля – М.Ж.], превосходившей даже самые ядовитые оценки И. Бунина. К своему поэтическому прошлому С. Черный относился скептически и не любил, когда вспоминали о его былой российской славе» [19, с.83–84].

Перед нами опять–таки односторонний подход в оценке писателя и поэта–только сатирик, да еще в духе ранней, дореволюционной сатиры. Но в эмиграции А. Черный отходит от сатиры, хотя сатирические образы сохраняются в его творчестве, все–таки главным становится «утверждающее начало» (Иванов). Саша Черный прежде всего поэт, писатель, и способ его жизни – творчество, писательский труд. Теперь, когда собрано воедино все, что было разбросано по многочисленным периодическим изданиям в эмиграции, можно оценить его жизненную и писательскую позицию.

Нам близка точка зрения А.С. Иванова: «Многие писатели эмиграции абстрагировались от горестной реальности, удаляясь в исторические глубины. Саша Черный не из их числа. Как и прежде, он предпочитал «скромно вышивать по невзрачной канве действительности». Но не затем, чтобы упиваться трагедией русского бездорожья. Напротив: все его устремления направлены на то, чтобы помочь соотечественникам, поднять дух – шуткой, комичным случаем, озорным и потешным словом. Ведь поэту давно было ведомо, что «от боли лекарство – смех» [12, с.12]. Подтверждением этому может служить сборник «Несерьезные рассказы», многогранный по своей тональности, разнообразный по содержанию. Он учит смотреть в будущее, жить не только прошлым.

Приведем еще одно мнение, с которым также не хочется соглашаться. Автор монографии «Судьбы русской литературной эмиграции 1920–х годов» А.Г. Соколов в разделе о «сатириконцах» пишет о Саше Черном следующее: «В последних его произведениях («Несерьезные рассказы», 1928; «Солдатские сказки», 1933) нарастает мотив усталости, чувство потери русского читателя, своей ненужности читателю–эмигранту» [29, с.149]. При этом исследователем названы одни из самых светлых, забавных и веселых книг писателя, вся жизнь и творчество которого в эмиграции говорят как раз об обратном. Достаточно просто хорошо прочитать его книги и воспоминания о самом Саше Черном.

Добавлю в свою поддержку слова другого исследователя: «Существует мнение, что талант поэта будто бы угасал и распадался в обстановке эмигрантского безвременья. <...> Как узка и несправедлива подобная точка зрения!» [34, с.9–10].

Эмиграция – сложное и противоречивое явление в истории русской литературы и культуры. Она заставила каждого, оказавшегося в изгнании, мобилизовать все душевные силы, чтобы выжить и остаться человеком. Больно читать эмигрантские газеты, на страницах которых одновременно звучат и ненависть к советской России, и крик т о помощи; а ведь речь при этом идет о самом необходимом: о куске хлеба, о крыше над головой.

Все это тоже было в жизни Саши Черного: и ненависть к советской власти, лишившей его родины, и надежда на ее скорый конец, открывающий возможность вернуться домой. Были в жизни поэта голод и неприютность, мытарства и скитания. Но было и спасение – писательский дар, неистощимое чувство юмора. Поддержкой выступал смех, раздававшийся даже тогда, когда,

казалось, сама земля уходила из–под ног.

Как частный человек автор во многом близок своим героям. Как и многие русские эмигранты, он страдает от тоски по оставленной родине, дореволюционной России, проходит через все мытарства эмигрантской необустроенности, бездомности, ненужности. Его спасает любовь и поддержка жены и друзей, собственное творчество. Саша Черный, много работает, сотрудничая с берлинскими, парижскими журналами и газетами, в которых публикуются его стихи, сатирические миниатюры, рассказы. На первый план начинают выходить новые темы, заданные настоящей действительностью: жизнь и судьба русских эмигрантов. Все это говорит о разомкнутости собственной личности, способности откликнуться на «другого» и нести спасение своим творчеством.

Пафос всего творчества Саши Черного периода эмиграции заключался в поддержке русского человека. Писатель был убежден: если удалось вытащить себя, найти опору в самом себе, то непременно нужно помочь и своему ближнему. Таким спасением становится творчество Саши Черного в эмиграции, обращенное к русскому эмигранту оно посвящено тому, что волнует и беспокоит, чем живет его читатель. Перед нами описание жизни обычного среднего человека, повседневного быта – любимого предмета сатиры, но вместо нее – мягкая ирония, улыбка, добрый смех. Потому что каждый раз затрагивается важное душевное составляющее, спрятанное в сердце: воспоминания, тоска, горечь – чувства каждого эмигранта и самого писателя тоже. А еще присутствует боль за самых маленьких – русских детей, волей судьбы лишенных своей Родины, родной культуры, языка. Произведения Саши Черного для детей составляют огромный пласт его творчества, а также всей русский детской литературы.

Список литературы

1. Агеносов В.В. Литература russkogo зарубежья (1918–1996). – М.: Терра. Спорт, 1998.
2. Андреева В.Л. Эхо прошлого. М.: Совет. писатель, 1986.
3. Н.В. Саша Черный. «Детский остров». Изд–во «Слово», Берлин, 1920 // Русская книга. – Берлин. – 1921. – №2. – С. 10
4. Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920–е гг.: По материалам Российского государственного военного архива // Русский Берлин 1920–1945: Междунар. науч. конфер. – М.: Русский путь, 2006. – С. 363–368.
5. Врангель Л. Ла–Фавьер // Возрождение. – 1954. – № 34. – С. 145–153.
6. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. – Paris: YMCA–PRESS, 1979.
7. Гликберг М.И. Из мемуаров // Российский литературоведческий журнал. – 1993. – №2. – С. 240–248.
8. Гуль Р. Я унес Россию: Антология эмиграции. – Т.1: Россия в Германии. – Нью–Йорк: Мост, 1981.
9. Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты–сатириконцы. – М.: Изд–во «Наука», 1968.
10. Жиркова М.А. Саша Черный о детях и для детей. – СПб.: Лема, 2012.
11. Зобнин Ю.В. Поэзия белой эмиграции: «Незамеченное поколение». – СПб.: СПбГУП, 2010.
12. Иванов А. «Ах, зачем нет Чехова на свете!» (Проза Саши Черного) // Черный Саша. Собр. соч.: В 5–ти т. – Т.4: Рассказы для больших. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 5–24.
13. Иванов А.С. Комментарии // Черный Саша. Собрание сочинений: В.5 т. – Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905 – 1916 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 389–453.
14. Иванов А.С. Комментарии // Черный Саша. Собрание сочинений: В.5 т. – Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 443–486.
15. Иванов А.С. Комментарии // Черный Саша. Собр. соч. В 5 т. Т. 5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – С.549–595.
16. Иванов А.С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции // Черный Саша. Собрание

- сочинений: В.5 т. – Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / Сост., подгот. Текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 5–22.
17. Иванов А.С. Хроника жизни Саши Черного // Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 656–659.
 18. Карпов В.А. Проза Саши Черного в детском чтении // Начальная школа плюс До и После. – 2005. – №4. – С.30–34.
 19. Костиков В.В. Не будем проklinать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М.: Междунар. отнош., 1990.
 20. Куприн А. А. Черный. Несерьезные рассказы. Париж, 1928 // Куприн А.И. Собр. соч. В 9-ти т. / Под общ. ред. Н.Н. Акоповой и др. – Т. 9. Воспоминания, статьи, рецензии, заметки. Сост., подготовка текста и примеч. Ф. Кулешова. – М.: Худож. лит., 1973. – С. 175–176.
 21. Куприна К.А. Куприн – мой отец. – М.: Худож. лит., 1979.
 22. Н.В. Саша Черный. Детский остров. С рисунками Бориса Григорьева. Изд. «Слово», Берлин, 1921 // Рувль. – Берлин. – 1920. – 26 декабря.
 23. Набоков В. Памяти А.М. Черного // Черный Саша. Улыбки и гримасы: Избранное. В 2 т. – Т. 2: Рассказы / Сост. А. Иванов. – М.: Локид, 2000. – С. 559–560.
 24. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989.
 25. Палиевский П.В. Импрессионизм // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. В 9 т. – Т.3. – Стлб. 112–114.
 26. Попов А.Н. Русский Берлин. – М.: Вече, 2010.
 27. Путилова Е. Русская поэзия детям // Русская поэзия детям / Вступ. ст., составление, подгот. текста, биограф. справка и примеч. Е.О. Путиловой. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 5–48.
 28. Сказки о принцессах, королях и колдунах: Пересказал Саша Черный / Вст. ст. С. Никоненко. – М.: Стрекоза, 2012.
 29. Соколов А.Г. «Сатириконцы». Саша Черный, Тэффи и Аркадий Аверченко // Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920–х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 146–156.
 30. Сомова С.В. «Жар-птица» как образец русского модернистского журнала в Берлине 20–х гг. XX в. // Вестник СамГУ. – 2010. – № 1(75). – С. 169–178.
 31. Спиридонова Л.А. Мемуары М.И. Гликберг // Российский литературоведческий журнал. – 1993. – № 2. – С. 237–239.
 32. Спиридонова Л.А. «Смех – волшебный алкоголь». А. Черный // Л. Спиридонова. Бесмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. – М.: «Наследие», 1999. – С. 167–208.
 33. Станюкович Н.В. Саша Черный // Возрождение. – Париж. – 1966. – № 169. – С. 119–125.
 34. Усенко Л.В. Улыбка Саши Черного // Черный Саша. Стихи и проза. – Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1990. – С. 5–20.
 35. Черный Саша. Собрание сочинений: В.5 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007.
 36. Чуковский К.И. Саша Черный // Черный Саша. Стихотворения. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – С.5–26.
 37. Шнейдерман Э.М. Саша Черный: Четыре жизни и еще одна // Черный Саша. Стихотворения. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – С. 27–58.
 38. Юниверг Л. «Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20–30–х годов // Евреи в культуре русского зарубежья. – Иерусалим, 1993. – Вып 2. – С.202–219.

Жиркова Марина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и русского языка, АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург.
